

Абсайтар хаджи Дербисали

директор Института востоковедения
имени Р. Б. Сулейменова,
член-корреспондент НАН РК,
доктор филологических наук, профессор

ДЖАМАЛ АЛ-КАРШИ ИЗ СЕМИРЕЧЬЯ

Видный государственный деятель средневековья, известный ученый-историк, литератор, поэт Мухаммед Хайдар Дулати (1499–1551) в своем сочинении «Тарих-и Рашиди» писал: «Моголы называют Баласагун Каралигом. Автор “Сурах ал-лугат” (“Ясность языка”) в “Мулхакат-и-с сурах” (“Дополнения к ясности языка”) говорит: «“Мой отец принадлежит к хафизам Баласагуна”, и он далее привел в своих “Дополнениях” имена ученых каждого города. В Самарканде он насчитал меньше десяти человек, а к Баласагуну он отнес столько великих людей и ученых и привел рассказы о некоторых из них, что разум отказывается верить тому, что все эти ученые могли жить в одно время и в одном городе. Сейчас о них в Баласагуне ничего не известно. Я не слышал также о местности под названием Каралиг» [1; 458]. Мне неизвестны причины, почему Мухаммед Хайдар Дулати не назвал автора, написавшего про Баласагун. А имя его – Абу-л Фадл Мухаммед ибн Умар ибн Халид по прозвищу Джамал ал-Карши.

Он родился в средневековом городе Алмалиг, что в Кульдже, до XX века территориально относившемся к Жетысускому краю. В «Казахской советской энциклопедии» об Алмалиге написано следующее: «Он расположен на побережье Или, между горами Хан-Тенгри и Талкы, в 13 километрах от Хоргоса. В свое время он был особо крупным узловым торговым центром на караванных путях, следовавших из Средней Азии через Жетысу – в Монголию, Западную Сибирь и на верховье Иртыша. В те времена обитали племена гуннов, уйсунгов, со временем к ним пришли и их вытеснили племена тюрков, киданов и монголов. При Чагатайской династии (XIII в.) Алмалык стал политико-экономическим и культурным центром этого ханства...» [2, I; 279].

Именно в Алмалиге, что в Жетысу, в 1230/31 году родился автор историко-географическо-филологического сочинения «Мулхакат-и-с сурах» – вышеназванный Джамал ал-Карши, о котором пишет Мухаммед Хайдар Дулати, спустя 10 лет после кровопролитного захвата Отрара и Сыгнака монголами.

Его особо ценное историческое сочинение долгие годы оставалось безызвестным. В XIX веке, после подчинения Ташкента, Самарканда, Бухары, Средней Азии царской России, из Бухары в столицу империи – Санкт-Петербург было вывезено множество рукописей, среди которых и часть «Мулхаката» великого Джамала. Известный историк, исследователь Средней Азии В. В. Бартольд (1869–1930) уделил ему особое внимание. Он писал: «В VIII томе ЗВОРАО (Заметки восточного

отделения (Имп.) Русского археологического общества, Спб.) Н. Ф. Петровский (1837–1908) упомянул о “Прибавлениях” к словарю “Ас-Сурах мин ас-Сихах” – сочинении, о котором упоминает автор “Тарих-и Рашиди” и которое, как передавали господину Петровскому ученые мусульмане, представляло “нечто вроде словаря исторического и географического”. Слова Мухаммеда Хайдара заставляли полагать, что в этих “Прибавлениях” заключался драгоценный историко-литературный материал. В примечании к статье господина Петровского барон В. Р. Розен (1849–1908) указал на оксфордский экземпляр “ас-Сурах”, снабженный, по словам немецкого ираниста, доктора Г. Эте (1844–1917), “бесчисленным множеством пространных глосс и прибавлений на полях”. Во время моего пребывания в Оксфорде в 1895 году я, по указанию барона Розена, обратил внимание на эту рукопись; глоссы оказались чисто филологическими и не имели ничего общего с теми “Прибавлениями”, о которых говорится в “Тарих-и Рашиди”. Оставалась еще надежда, выраженная в том же примечании барона Розена, что, может быть, в Средней Азии со временем еще найдется экземпляр “Ас-Сураха с прибавлениями”» [3, VIII; 98]. В. В. Бартольд пишет далее: «В настоящее время в Азиатском музее Императорской Академии наук благодаря В. П. Наливкину (1862–1918) находится рукопись “Прибавлений” (Cod. Mus. As. 430 a), к сожалению, не совсем полная. Некоторые отрывки будут помещены в моем труде “Туркестанский край в эпоху монгольского нашествия”; здесь мне хотелось бы вкратце изложить содержание рукописи» [3, VIII; 98]. И далее он знакомит с содержанием бухарского варианта «Мулхаката».

После Мухаммеда Хайдара Дулати, В. В. Бартольда, В. Розена, Н. Ф. Петровского и В. П. Наливкина, уже в Советском Союзе, казахский ученый, академик Алькей Маргулан (1904–1985) также посвятил статью Джамалу ал-Карши. В статье, написанной им в 70-е годы прошлого века для «Казахской советской энциклопедии», было приведено множество интересных сведений по сочинению жетысуского мыслителя.

Академик А. Маргулан отмечает, что «ученый, историк, писатель, который родился на земле Жетысу... вместе с отцом слушал во множестве исторические летописи и легенды племени Канглы... Он является уникальным писателем из Средней Азии и Жетысу монгольского периода. Он досконально знал события в Средней Азии и Жетысу того времени, и он – великий ученый, впервые подробно написавший о них... Мухаммед Хайдар Дулати, будучи выходцем из Жетысу и живший три столетия спустя, дал исключительную оценку данной особенности Джамала ал-Карши и считал его одним из своих великих наставников» [2, IV; 245–246]. Высоко ценил его самого и его творчество.

Следует отметить работы и узбекских ученых. В 1988 году в Ташкенте были изданы «Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв.» [4]. Узбекские востоковеды перевели на русский язык и прокомментировали особо ценные трактаты на арабском, персидском и тюркских языках, написанные в X–XIX веках. Среди них был и «Мулхакат-и-с сурах» Джамала ал-Карши – Р. Ш. Шарафутдинова перевела его с персидского языка.

Позднее известное сочинение выходца из Жетысу не осталось без внимания и других ученых. В 2005 году Институт востоковедения имени Р. Б. Сулейменова издал «Историю Казахстана в персидских источниках», где был опубликован перевод с нанганской рукописи «Мулхаката» Джамала ал-Карши на русский язык с предисловием, примечаниями и факсимиле текста. Исследовательский перевод осуществлен

Ш. Х. Вохидовой и Б. Б. Амановой, ответственный редактор – Аширбек Муминов. В нашей статье о Джамале ал-Карши мы опирались именно на это издание.

В начале 2000-х годов в Каире в фондах рукописей («Дар ал-кутуб ал-Мысрийа») Египетского дома книг я обнаружил семисотстраничную рукопись «Ас-Сурах мин ас-Сихах» Джамала ал-Карши на персидском языке. Необходимы были ее тщательные исследования. Может, в ней обнаружатся главы, не найденные В. В. Бартольдом и В. Розеном?

Итак, мы выяснили, что Джамал ал-Карши родился в Алмалыке Жетысуского края. Как было сказано, его отец был одним из баласагунских хафизов, а мать – из потомков шейха Мары (Мерва) Абу Али-шаха. Ныне Алмалиг расположен на территории Китая в 13–15 километрах от казахстанско-китайской границы Панфиловского района Алматинской области, то есть недалеко от реки Или. Юность будущего ученого прошла в этом средневековом городе. Когда он обучался у своего наставника Захир ад-дина Ашрафа бин Наджиб бин Мухаммад ал-Касани (ум. в 1261 г.), ему было 12 лет. Скорее всего, это было время правления Бузарулы Сигнак-текина, скончавшегося в 1250-1251 году.

Власти государства оказывали Джамалу достойное покровительство, так как он был воспитателем сына дочери Джучи Бильган-Бики и Сигнак (Сугнак)-текина – Ил-Бутара. «Я приучал его к работе и передал ему свои знания – я сам был так воспитан. Целью моей [были] их дворцы, чтобы я мог приносить там пользу. Именно поэтому меня стали звать ал-Карши (дворец). Сигнак-текин умер, когда только вззошел на трон Манку-хан в столице в 648/1250-1251 году. И его (Сигнак-текина) сын **Данишманд-текин** перевез его [тело] оттуда в Алмалиг. Он занял трон своего отца и покорил тех, кто отказывался [повиноваться] ему. Он (Данишманд-текин) был юношей порочным, рисковавшим собой, щедрым до расточительности, ловким и сметливым. Он умер в Куз-Балике в 655/1257 году, [его тело] было перевезено в Алмалиг и погребено там в мавзолее отца в ал-Карши (крепости). А Ил-Бутар умер совсем молодым уже после того, как я покинул [Алмалиг], направляясь в Кашгар в 673/1274-1275 году» [5; 132].

Джамалу оказывали покровительство не только местные власти, но и садр (религиозный глава) Бурхан ад-дин. Благодаря ему Джамал получил в государственной канцелярии должность диуана ал-инша ва³-л китаба.

Тем не менее по неизвестным нам причинам в 1263-1264 году он переезжает в Кашгар, где его встретили два шейха и познакомили с местным садром **Камал ад-дином Абу Абдуллах ал-Хусейн ибн ал-Музаффар ал-Балади аш-Шайбани**. В Кашгаре он советуется с садром насчет своей предстоящей работы: чем заняться, будут ли польза или вред от того или иного его занятия на новой родине. Садр предлагает заняться поэзией, так как данный вид искусства принесет ему и моральное, и материальное удовлетворение.

Джамал ал-Карши был в дружественных отношениях и с последующими религиозными деятелями. Садр Саад ад-дин предлагает ему написать дополнение к «Ас-Сихах» известного отрарского (фарабского) ученого-языковеда Абу Насра Исмаил бин Хаммад аль-Джаухари (?–1002/1008). К тому времени уроженец Алмалига знал не только арабский, но и персидский язык, создал свое первое произведение – арабско-персидский словарь «Ас-Сурах».

Когда «Джамал Карши прибыл в Кашгар, создал свое первое произведение – арабско-персидский словарь “Ас-Сурах мин ас-сихах” на базе знаменитого арабско-

го словаря “Ас-Сихах”, составленного в 398/1008 году ученым из Фараба (Отрара. – А. Д.) Абу Насром Исмаилом ибн Хаммад ал-Жаухари. Ал-Карши познакомился с этим сочинением в Кашгаре при посещении библиотеки своего учителя Бурхан ад-дина. Он решил переделать его в двуязычный толковый арабско-персидский словарь, назвав “Ас-Сурах мин ас-сихах”. Этот труд, по свидетельству самого автора, был завершен во вторник, 10 дня месяца сафар 681 / 27 мая 1282 года в Кашгаре. Списки данного сочинения многочисленны, существует также несколько литографических изданий, осуществленных в Индии и Иране. В дальнейшем к словарю Джамала ал-Карши “Ас-Сурах мин ас-сихах” был составлен ряд дополнений и комментариев.

Несколько позднее сам автор – Джамал ал-Карши решил приложить к своему первому труду “Ас-Сурах мин ас-Сихах” примечания (“Мулхакат”), которые помогли бы читателю адекватно понять соответствующие места словаря. Они носили разнообразный характер и, получив отдельное название – “Ал-Мулхакат би-сурах”, со временем превратились в самостоятельное сочинение. Как свидетельствуют списки “Ал-Мулхакат би-сурах”, данное сочинение часто переписывалось и в отдельном томе получило широкое распространение» [5; 7–8].

Во второй половине VII века хиджры Джамал совершал длительные поездки. В 1269–1270 годы побывал в Андижане и Таласском крае, в 1272–1273 годах – в Шаше (Ташкенте), в 672/1273 году – в Баршынкенте и Женде, что расположены в нижнем течении Сырдарьи. Именно в те годы скончался известный шейх **Камал ад-дин аль-Хорезми ас-Сигнаки**. Он был учеником известного суфия **Наджм ад-дина Кубры** (1145–1221), который погиб от рук монголов в 1221 году близ Хивы. Джамал посетил его могилу и написал эпитафию на его надгробии.

В Шаше Джамал побывал не единожды. Видимо, его вторая поездка была в 1293–1294 годах. Позднее, уже третья поездка была связана со службой проживавшего в Шаше сына.

Также побывал он и в Ходженте, что к востоку от Сырдарьи, ныне территориально относящемуся к Таджикистану. В работах Джамала мы находим подтверждение его знакомства и с местными шейхами.

Скорее всего, свое сочинение он написал во время правления сына Хайду – Чапара, в бытность его главой среднеазиатских монгольских правителей. «Начавшаяся в 1305–1306 годах междоусобица между ханами обострилась, в результате чего Чапар был свергнут с престола, и вся власть перешла к принцу Тува» [7, VII; 101–102].

«Мулхакат би-сурах» – историческое, религиозное, филологическое и географическое сочинение. В нем излагаются вопросы грамматики, сведения о личностях с мировым именем, супругах и потомках пророка Мухаммеда (мир ему и благословение Аллаха!), матерях и именах, летописи пророков и Адама (а. с.), генеалогия мудрецов, власть имущих и пророков. Наряду с этим приведены имена потомков предка посланца Аллаха (с. г. с.) – Абд ал-Мутталиба, 12 имамов шиита, последователей ансаров и мухаджиров; нисбы властелинов из племени Бану Умайя; даты жизни и смерти халифов-аббасидов; воспоминания об известных ученых по грамматике и лексикографии; имена чтецов Корана, тафсиров священной книги; тафсиров священного Корана, живших в более поздний период. Интересны сведения об арабских поэтах древнего периода (джахилийя) и о самых известных среди них. Включено изложение истории известных мусульманских правителей и султанов, хаканов Мавераннахра тюркского происхождения, известных прави-

телей и султанов из племени Сам, эмиров и султанов Сельджукидов, некоторых известных правителей и визирей, султанов Хорезмшаха, хаканов монгольского происхождения, известных эмиров и визирей.

В сочинении содержатся подробные описания известных и знатных людей, воспоминания об известных имамах, муллах, сайидах и шарифах, сведущих садрах и сайидах Алмалига, известных имамах города Кашгар и его именитых представителях, обладателях особых качеств, известных личностях города Ходжента и выдающихся личностях города Ходжент, народа Ферганы, города Шаш, Баршынкента, Женда.

АЛМАЛИГ

Джамал ал-Карши писал: *«Город Алмалиг, да окружит его Аллах своими огромными благодеяниями. Я начал с города Алмалига, и правомерно начинать с него, ибо это – место моего рождения, перевязь моего меча, извлекающего огонь из кремня, моя родина и места моих дружеских связей, часть жизненного пути, начало моей славы, столица страны, центр религии, местопребывание правителей и хаканов. Его воздух – приятный, с легким ветерком, а его вода – сладкая на вкус, [напоенная] его дуновением. Ветер [приносит] животворное тепло и влагу, почва превосходит по благоуханию пахучий мускус, сады цветут, а ветви [деревьев] плодоносят, его пастбища богаты растительностью, его пруды – полноводны, а утренние беседы ветра соединяются с вечерними и несут умеренные благоухания в сумерки»* [5; 131].

А Мухаммед Хайдар Дулати сообщает: *«Следующий значительный город – Алмалиг, который известен и сейчас. Там находится усыпальница Туглук Тимур хана и видны приметы [прежней] городской жизни. Купол усыпальницы хана очень высокий и украшен надписями. В памяти сохранилось одно полустипише из этих надписей: “Это здание – дело мастера шербафа – ткача”. Из этого видно, что этот мастер был из Ирака, так как в Ираке ткачество называют “шарбаф”. Как мне помнится, в хронограмме на том куполе была приведена [цифра] семьсот шестьдесят (1358–1359) с вычетом»* [1; 458-459].

Следует отметить, что первым из монгольских ханов принял ислам Туглук Тимур (1329–1362). О Туглук Тимуре сказано в шести главах «Тарих-и Рашиди» Мухаммед Хайдара Дулати: «О раннем [периоде] жизни Туглук Тимур хана» (2-я глава), «Упоминание о принятии ислама Туглук Тимур ханом» (3-я глава), «Отрывок из “Зафар наме”». Упоминание о походе Туглук Тимур хана в области Мавераннахра» (4-я глава), «Отрывок из “Зафар наме”. Глава о совещании Сахибкирана с эмиром Хаджи барласом, о возвращении его с берегов Джейхуна и о встрече с эмирами Туглук Тимур хана» (5-я глава), «Отрывок из “Зафар наме”». Упоминание о возвращении Туглук Тимур хана в свой столичный город» (7-я глава).

«Зафар наме» («Книга побед») – широко известный в персоязычной исторической литературе труд по истории Тимура, написанный на основе официальных источников и свидетельств очевидцев многих событий. Автор труда – Шараф ад-дин Али Иазди (ум. 858/1454 г.) закончил сочинение в 828/1425 году и преподнес его преемнику Тимура Шахруху [1; 607].

В комментариях к «Тарих-и Рашиди» о нем написано следующее: «Туглук Тимур хан – моголистанский хан; даты жизни – 730/1329-1330 – 764/1362-1363 гг.

Был возведен на престол в 748/1347-1348. И правил до конца своей жизни... Источник происхождения: Чингизхан → Чагатай → Мамкан (Мутуген) → Кара Уйсун (Есин Дува) → Борак-хан → Давадж (Дува) → Есенбуга → Туглук Тимур. Туглук Тимур взшел на трон при поддержке эмиров местных племен. Он властвовал до конца жизни. Он подчинил себе Мавераннахр и правителем назначил своего сына Ильяса Ходжу» [1; 607].

В комментариях к работе Джамала ал-Карши востоковед, историк Аширбек Муминов подчеркивает: «Алмалиг – город в Семиречье, расположенный на берегу реки Или, к северо-западу от современного города Кульджи в Китае. Впервые упоминается как столица района Кульджи. В период монгольского завоевания здесь находилась резиденция ханов Чагатайского улуса. Алмалиг сыграл роль торгового центра на караванной дороге, которая связывала Золотую Орду и Среднюю Азию с Монголией и Китаем. В XVI веке город находился уже в развалинах. В. В. Бартольд его отождествляет с урочищем Алимту в районе Кульджи, где находится гробница Кутлуг-Тимура. По мнению Берништама, Алимту находится около г. Алма-Аты» [5; 131].

Мавзолей Туглук Тимур-хана в Алмалыке (XIV век)

Предки Мухаммеда Хайдара Дулати во время правления монголов тоже жили в этом городе. Алькей Маргулан пишет по этому поводу следующее: «Предки Мухаммеда Хайдара были знамениты: “В XV–XVI вв. из племени Дуглат было несколько известных людей. Это Камаридген, Болашы, Тулек, Жорас – противостоявшие завоеванию Могулии эмиром Тимуром. В XV–XVI вв. их предки жили и трудились недалеко от чагатайской столицы – Алмалига. Алмалиг – самый крупный город в Жетысу. Он являлся кипучим центром торговли, культуры и политики. Предки Хайдара – Дуглат Бауырты, потомки его сына – Болашы Чагатая служили Есенбуге и Туглук Тимур, став известными биями Могулии.

В XIII–XIV вв. ханы Чагатаиды и бии из дуглатов летовали на побережье реки Или, на местности Аккент. Нынешнее расположение – в окрестностях города Жар-

кент (Панфилов). Постоянное местожительство предков Хайдара было в Алмалиге Жетысуского края. Иные дулаты жили на землях, протяженных от Алмалига до Ташкента. Данная территория – место проживания племен Старшего жуза с давних времен до XIX века. В исторических летописях указывается, что Дуглат Болашы би жил в первой половине XIV века. Болашы и Хайдара разделяет 6–7 поколений. Прямой предок Хайдара – Болашы, во времена правления потомка Чагатая – Есенбуга и его сына Туглук Тимура, состоял при власти» [6; 92].

Сейчас города Алмалыка нет. Но, несмотря на разрушения, мавзолеем Туглук Тимура сохранился до наших дней. Жители Синцзяна говорят, что и по сей день вблизи Алмалыка в основном живут казахи.

Джамал ал-Карши писал: *«Бузар – хан Алмалига. Он был упомянут выше. У него было девять сыновей: Хиндучак-малик, Сигнак-текин, Ахмед-текин, Хусайн-текин, Сулейман-текин, Зу-л Фикар-текин, [Давут-текин], Туткан-текин, Уч Алди-текин. Покровитель их суверенитета и опора – Сигнак-текин. Тот, кого его отец Бузар-хан отдал Чингиз-хану в пажы. Взял его к себе великий ка'ан, и Бату ибн Тубини-хан женил его на своей сестре – Бильган Бики»* [5; 131–132].

Джамал приехал в Алмалиг, чтобы заручиться поддержкой опоры ислама – **Хабаш-Амида ал-Кармини-йи Бухара ал-Иларгури**. Напоминает, что он был из потомков Чагатая, скончался в 1260 году и похоронен в местности Тартак, в окрестности Алмалига. Видимо, с данным господином Джамал познакомился на похоронах сына своего шейха-наставника – **Ахмеда ибн Аийуб ибн Ахмед ал-Баласагуни**.

Далее уроженец Алмалига называет **Абу-л Фадаил Мухаммада ибн Аби Бакр ар-Рашиди ал-Абиварди** и правителя Газны и Герата – **Шамс ад-даула ва-д дина**, с которыми был знаком лично и знал их. Он повествует о службе и вспоминает, как был удостоен почетного халата [5; 132–133].

БАЛАСАГУН

В «Казахской советской энциклопедии» читаем: «Баласагун – название средневекового города, бывшего одной из столиц государства Караханидов. В письменных источниках известен с X века. Как заявлял ал-Мақдиси, он был “большим, богатым и благополучным городом”. Махмут ал-Кашгари сообщает, что “у Баласагуна были и другие названия, как Куз-Улус или Куз Орда”. По мнению исследователей:

1. Баласагун в VIII веке по-тюркски назывался Беклик (Бекелик – укрепление), на согдийском – Семекне. Жители Баласагуна говорили на тюркском и согдийском языках. В 1210 году город без сопротивления сдался войскам Чингисхана и получил название Бабалык (“Хороший город”). Востоковеды В. В. Бартольд, А. А. Бернштам, М. Тынышбаев приложили усилия для определения точного месторасположения Баласагуна. В науке сформировалось несколько версий о его расположении.

2. В книге Мухаммеда Хайдара Дулати (1-я пол. XVI в.) сказано, что “Джуд (Чу) – местность в Моголистане. Протяженность ее – месяц пути. Городов, подобных [Минара], много”... Автор сообщает, что расположена там могила имама Мухаммеда Факиха Баласагуни, последовавшего по пути религии. Это дает пищу для размышлений... Не является ли Борана местом захоронения Баласагуни? Борана – один из самых крупных памятников Чуйского края, расположенный в 15 километрах южнее города Токмак. В 1978–1983 годы был исследован В. Д. Горячевой. Город

окружен четырехугольным укреплением. Длина северной и западной стен равна 870 метрам, южной – 500 метров.

3. Есть мнение, что древний город Актобе Чуйского края, с 1974 года изучаемый археологами КазГУ (под руководством проф. У. Х. Шалекенова), “и является Баласагуном. Каждый из предполагаемых городов был в V–XIII веках центром развитой цивилизации”» [7; 104].

Аййуб ибн Ахмед ибн Аййуб ал-Баласагуни

Джамал ал-Карши не забывал описывать не только города Жетысуского края, но и ученых, выходцев из них. Он высоко оценивает Аййуба ибн Ахмед ибн Аййуб ал-Баласагуни: «Мой шейх великий, достойный поклонения, богобоязненный и чудотворец **Шамс ал-Хакк ва-д-дин Аййуб ибн Ахмад ибн Аййуб ал-Баласагуни...** Да осытит Аллах его гробницу и удвоит его покой» [5; 135].

Исходя из этого, можно предположить, что мыслитель из Баласагуна действительно был одним из среднеазиатских гениев. Джамал ал-Карши так же хорошо отзывается об **Ашрафе ибн Наджиб ибн Мухаммед ал-Касани**, восхваляя его: «...ал-алим ар-раббани, второй ан-Ну`ман, маулана аш-шейх ал-имам, наставник ученых [наших] дней, бесподобный среди столпов ислама, ас-садр аз-захид ал-абид, проводящий дни в посте, крепкий, великий исследователь, имевший большие знания, достигший первенства в обладании рациональным и известным... Он – тот, подобного которому еще матери не рождали, на него опирались при определении великих людей. Когда мне было 12 лет, я встретил его в Алмалиге и начал читать его [сочинение] “Ал-Арабийат фи тарджамат ал-Коран”, [всегда] находившееся перед ним. В начале 640/1242 года он обучил меня изречениям Пророка, да благословит его Аллах и приветствует. Хадис [является] и первой наукой в познании Всемогущего, и последней, которой поручается [решение всех] дел. Через несколько лет он переехал из него (Алмалига) в Кашгар и умер там в мухарраме 659 / январе 1260 года.

Его оплакивал ас-садр ал-аллама Маулана ал-Музаффари, да помилует их обоих Аллах, в стихах, нанизав их отборные, рифмованные и поэтические ожерелья. Вот сказанный им стих:

Скажу сам себе, который судит...

Слушай меня, требуешь утешения, ответь мне.

Этот мир каждый день строит козни,

Отнимает кого-то и всегда приносит нам неожиданности.

Разве это не странно, что вера праведная...

И ушел с трепещущим чистым сердцем.

Поистине погасло светило науки и литературы

С уходом имама Ашраф ибн Наджиба.

Он был отвечающим на все вопросы,

Теперь некому отвечать на них.

*Мир поистине породил такого молодца,
И теперь не осталось знатного человека» [5; 135–136].*

Так же он упоминает мудреца того времени **Мухаммеда ал-Фарахи**, называя его Бадр ал-милла ва-д-дином, и сообщает, что лицезрел его в Алмалиге в 1248–1249 годах. Далее называет имена: **Абу Жагфар Тахир ибн Аби-л Ма’али ал-Хусайни ал-Балхи**, **Мухаммед ибн Умар ар-Рази**, **Бурхан ад-дин ал-Мукри ал-Худжанди**, **Ради ад-дин Зарбахш ал-Бахарзи** и указывает, чему они его научили. Он вспоминает, как с Ради ад-дином Зарбахшом ал-Бахарзи держали путь в священную Мекку и совершили хадж.

Более подробно Джамал ал-Карши пишет о садрах и имамах из Алмалига, это **Ала ал-Хакк ва-д-дин**, известный как «Ау», **Бурхан ал-Хакк ва-д-дин ал-Аджалла**, **Бадр ал-милла ва-д-дин Амир Хайдара ал-Мутаййаба**, из кашгарцев называет **Камал ал-милла ва-д-дина Абу Абдулла ал-Хусайни ибн Аби-л Музаффар ал-Балади аш-Шайбани**, ал-Муиззи и **Маулана Бурхан ад-дин Алима ал-Бухари**, из ходжендцев – кадия данного города **Садр ал-милла ва-д-дина ал-Худжанди**, муфтия **Бурхан ал-милла ва-д-дина ал-Ала**, гордость имамов – **Ифтихар ал-милла ва-д-дина ал-Мукри**, как уважаемого в государстве человека – **Джамал ад-дина**, **Наджм ал-милла ва-д-дина ас-Садри ас-Сахиби**, **Маджд ад-дина**, **Шамс ал-милла ва-д-дина ибн Дихкан Гази**, **Фахр ал-милла ва-д-дина ал-Джавалики**. Перед каждым именем он добавлял такие сравнения, как «захир ал-милла ва-д-дин», «Бадр ал-милла ва-дин», «Шамс ал-милла ва-д-дин», «Шейх ал-имам ал-джалил», «Кади ал-кудат», «Изз ал-милла ва-д-дин», «садр мин садр», «ас-садр ал-аджалл», «ас-садр ал-имам аз-захид», «ал-абид аш-шариф ал-имам ал-хумаш», «ал-афиф ал-факих ан-набих ал-мутаабид ал-муджтахид», «шайх ал-имам ва-л муслиман», «ас-саййд ал-муртада ал-муджтаба ал-муалла», «султан улама» [5; 136–140].

КАШГАР

Джамал ал-Карши писал: «Кашгар был великолепным городом, подвластным исламу, колыбелью выдающихся особ, родиной благородных амиров, местом жительства великих улама; [это] город плодородия и благоденствия, место произрастания виноградных лоз, обильных плодами [лишь] с малым изъяном, его долины полноводны, и посевы не нуждаются в дождях, климат сухой: весной и летом не бывает дождей, а зимой и осенью не бывает снега. Ведь зимний снег не дает плодов лета, а весенний дождь не сделает осень урожайной. Воздух влажный – вреден, а сухость благодатна и приятна. Они (жители) не используют для пахоты быков и коров, землю обрабатывают мотыгами и кирками. То, в чем они нуждаются в жизни, это – зерно, фрукты, [а также] утварь, разные украшения, постель и все, не говоря о пожитках и тканях» [5; 140].

Когда я в 1994 году посетил Кашгар с целью обнаружить место захоронения Мухаммеда Хайдара Дулати, то убедился в правдивости написанного Джамалом ал-Карши.

Он писал: «В [Кашгаре] нет ядовитых насекомых и змей, в водоемах и реках полно воды, деревья и цветы плодоносят, но только в воздухе [много] пыли, а цвет воды – красноватый. Климат [Кашгара] сухой и [поэтому] его деревья – червячие,

воздух – гнилостный, землю покрывают пыль и сажа, а жители города страдают обильным истечением слезы и слабым слухом...

Переезд из Алмалига в Кашигар был очень приятным, и здесь прекрасно у меня шла торговля. Мне [было] хорошо, я отлично устроился и был в прекрасном настроении. Это самое лучшее [место]. В первый свой приезд я был удостоен встречи с моим покровителем и покровителем улама двух миров ас-садр ал-кабир ал-хабр ал-хабир ал-аллама ан-нахрир, предводителем обеих групп (ханафитов и шафи'итов), стоящим посередине двух тарикатов, султаном улемов хаканов – **Камал ал-милла ва-д дин Абу Абдаллах ал-Хусайн ибн Аби-л Музаффар ал-Балади аш-Шайбани...**

Он взял меня в ученики и приблизил к себе. Это случилось во время моего первого приезда в Кашигар. В это время ко мне пришли маулана, солнце ученых – **ал-Му'иззи** и **Маулана Бурхан ад-дин Алим ал-Бухари**, и они пошли вместе со мной к маулана, да помилует их Аллах! И после того, как он позволил мне поцеловать свою руку, спросил о моем семейном состоянии. За меня ему остроумно ответил Маулана ал-Муиззи следующим образом: “Он – холостяк, однако госпожа страсть прибыла вместе с ним для укрепления веры, как случилось со мной”.

Затем он задал мне необычные и неожиданные вопросы, проявив ко мне уважение и внимание. Он спросил: “Как ты намерен добывать средства для существования в нашем городе? Как будешь действовать?” Я ответил: “Мое дело в вашем распоряжении, и мой выбор в ваших руках. Оцените мои способности, и какой сфере соответствует мой профессионализм и умения, туда и определите меня!” Он внимательно выслушал и затем произнес: “Если ты закончил курсы поучения и академических проповедей, то одно из условий – порядочный возраст, а тебе, я думаю, нет еще и тридцати».

Я ответил, что я уже перешел его на три года.

Он сказал: “Как прекрасно, что ты находишься в пылу своей юности, в пору радости, веселья и любви. Если ты хочешь заниматься тем, что приводит в хорошее состояние твою душу на непродолжительное время, то не говори об этом вслух никогда, потому что не сможешь проповедовать и тебе необходимо будет скрывать вместе с Обладателем тайны и чистоты, боясь обнаружения муридами (несоответствия) между твоими действиями по вере и твоими высказываниями...”

Он сказал: “Я слышал, что у тебя имеются приятные и легкие стихи, блестящие и замечательные поэмы, нырни в море поэзии и достань поэтические драгоценности и жемчужины. Опасайся мучений течения дней (ежегодных повторов) и повторения ночей, ибо сегодня в этой области соревнуются два скакуна в наряде великодушия, в одежде щедрости. Между ними и решится спор превосходного победителя для наслаждения вкусом молодости и постижения желанного”. И вышло так, как он предвещал, как прекрасно было то мгновение. Где теперь те времена и те мужи!

Маулана, да помилует его Аллах, когда я желал изучать под его руководством что-нибудь из жанра “фадлийат” или другое, он говорил: “Изучи у меня то, чего желаю я, а не то, что ты желаешь”. И он указывал по своему усмотрению на списки [стихов]. Он закончил диктовку дивана (сборника) своих стихов еще до моего прибытия в Кашигар. Когда я пришел к нему для обучения, он повторил диктовку второй раз и указал мне то, что надо записывать. Всякий раз, когда он заканчивал сеанс диктовки, он просил меня вслух декламировать одну из его касид.

Из хвалебных стихов, сказанных в его честь:

*Ты из плеяды белых звезд, мой повелитель Камал ад-дин,
Ты – могущество для сего мира, как и для веры.*

*Нет вопроса религии, разрешенного без твоего участия,
Или решения мудрецов имеют значение в сфере религии?*

Мы были свидетелями чудотворства спустя 10 дней после его смерти. Явились проклятые сборщики (налогов) и ушли только после того, как совершили нападения, ограбив и убив много народу. Они похитили и распяли нескольких улемов, саййдов, знатных людей и взяли в плен пять тысяч лучших юношей, детей, красивых девушек-затворниц, каждый из них был хорошим человеком. После набега мы вышли из потаенных уголков, безопасных мест [вместе] с теми, кто избежал смерти, плена, огня, разбоя их неслыханного угона [в плен], и услышали весть о смерти нашего покровителя. Мы поспешили к нему и нашли его лежащим на спине. Казалось, что он спит, но от него поднимался пар, как будто он только что вышел из бани, и даже величие не огородило его от смерти. А был разгар зимы, середина января (ал-канун). Стих:

*В (месяц) ал-канун огонь, не возгорев, потухает,
А плевков, не успев выйти изо рта, тут же замерзает,*

Как говорится в стихе:

*Не только зима покрыта льдом,
Но и эпоха надела ледяную одежду.*

*Если 30 выльешь остаток из своего бокала,
Он вернется к тебе, как горсть бисера.*

*Ущелья и холмы покрылись снежными сугробами,
Сильным снегом закрылись все ходы.*

*Наступило царство сильного холода.
Каждый, кто скрывался в укрытиях,*

*И спасающиеся от набега
(Были) как разбитые параличом,
От боязни перед нападком несчастий и бед» [5; 141–144].*

После Кашгара Джамал описывает Хотан, далее – Ходжент, его воздух, природу и местных известных людей. Затем повествует о Фергане, городах Ош и Шаш того края и о живших в них выдающихся личностях.

Здесь следует отметить, что в описываемый период, и до, и после него, Восточный Туркестан (Кашгар, Жаркент, Хотан, Турфан, Алмалиг) и Западный Туркестан (Шаш, Самарканд, Бухара, Фергана, Ходженд) связывали хорошие отношения. Интеллигенцию дружественных краев соединяли тесные литературные, культурные, научные взаимоотношения. Особенно это относилось к науке.

ШАШ

У древнего, с тысячелетней историей Шаша (нынешнего Ташкента), что находился в Западном Туркестане и был отмечен в работе Джамала ал-Карши, есть собственная история.

«Шаш, Чач – старинная историческая область в пойме реки Чирчик на правой стороне реки Сырдарья. В записях царя Сасанидов Шапура I (262 г. н. э.) встречается название “Чач”, а название “Шаш” – в арабоязычных источниках во времена завоевания Средней Азии арабами. В 712–713 гг. арабы разрушили Шаш. После создания государства Саманидской династии Шаш стал одной из важных областей. Великий Шелковый путь из Ближнего Востока в Китай пролегал через Шаш. Столица Шаша – Бинкент (с XI века – Ташкент) в одно время принадлежала ханам Чагатайского улуса, после его падения перешла в подчинение Тимуридов. Феодалные владения в окрестностях Ташкента назывались “Шаш”» [10, XII; 202].

О Шаше Джамал ал-Карши оставил хорошие отзывы: «Вода вкусная, благоприятный климат, богатая растительность, разросшийся пригород. В прошлом один из самых больших городов ислама» [5; 153].

«Нам рассказывали, что (в прошлом) народ из каких-то неверных тюрок окружил его... ночью и устремился к нему как поток. Они [тюрки], осматривая утром проходы для военных действий, услышали какие-то возгласы внутри крепостей и спросили: “Что это за звуки?” Им ответили, что это призывы му’аззинов на утреннюю молитву. Оживляя часть ночи, шафи’иты звали настойчиво, непрерывно призывая к молитве еще в покровах ночи. В нем (Шаше) было тысячи общинных мечетей, у каждой – по семьдесят или шестьдесят домов с жителями.

Тогда их (тюрок) испугало такое сообщение и они сказали: “Если бы жители, проснувшись утром, увидели, как их много по сравнению с нами, то был бы тягостен наш позор от них, ведь они утопили бы нас [только] в своих плевках, не говоря уже о том, что будет, если догонят нас”. И они (тюрки) обратились в бегство! И все это от благодати их непрерывных призывов к молитве и дополнительным молитвам ночью» [5; 153].

Абу Бакр аль-Каффал аш-Шаши

Джамал ал-Карши упоминает в своем сочинении и шашского мыслителя: «Я посетил в нем (Шаше) гробницу аш-шейх ал-имам ал-мухаккик, ал-муфассир Абу Бакра ал-Каффала аш-Шаши. Да помилует его Аллах. Я слышал о его чудотворствах следующее: он вернулся из хаджа и по велению халифа его эпохи (остался) жить в Багдаде. Однажды, занимаясь со студентами, он вдруг поспешно встал со своего места и, обратившись в сторону Востока, произнес формулу: “Аллах велик” и пустил стрелу. Когда его спросили (об этом), он ответил: “Я сразился с неверными, которые окружили мой родной город”.

Эта дата была зафиксирована. А случилось, что в это время жители Шаша сражались с неверными и оказывали сопротивление им. Тут послышался голос, произнесший: “Аллах велик”, и одновременно [с ним] стрелы начали падать среди них (неверных), и все они (враги), по желанию Аллаха Всевышнего, потерпели поражение. Я записал на дверях его гробницы два стиха (кита’а) – на арабском и персидском языках.

Перевод с арабского:

*Когда я прибыл сюда, чтобы просить о необходимом,
И неволью произнес по счастливому предзнаменованию:
“Открой мне, Аллах, замок моих удач
К тем победам, которых достиг этот улем ал-Каффала”.*

*От того господина я вернулся полон надежд,
Что все мои желания сбудутся.*

Перевод с персидского:

*Тайный добрый голос мне подсказал:
“О, утомленный, до каких пор будешь в тупике?”*

*Приходи, чтоб найти ключи счастья,
К дворцу Абу Бакра Каффала Шаши”.*

*Пришел я в эту обитель и получил свою награду,
Ты тоже приходи, если хочешь здоровья» [5; 153–154].*

Теперь подробнее расскажем о Мухаммеде бин Али Бакр ал-Каффал ал-Кабире аш-Шаши (904–976).

Современником ученого-энциклопедиста из Отрара – Абу Насра ал-Фараби (870–950) можно считать ал-Каффала (замочника) с кунией Мухаммед бин Али, которого обычно звали Абу Бакр ал-Каффал аш-Шаши.

Узбекские ученые пишут: «Каффал аш-Шаши (полное имя Абу Бакр Мухаммед ибн Али ал-Каффал аш-Шаши ал-Кабир; 904–976) – один из ведущих ученых мазхаба шафиги, мухаддис, факих, литератор, поэт. Был известен как Хазрат Имам (сокращенно Хаст имам). По некоторым сведениям, именно за создание удивительного замка с ключом весом 0,5 кг его назвали Каффал (замочник). За обширные знания был признан Имам ал-Кабиром (великий Имам). Родился в семье умельцев. Детство и юность прошли в Шаше. Обучался у знаменитого мухаддиса Хайсама ибн Кулайба. Он побывал в арабских странах Востока и долго путешествовал. Жил в Багдаде. Был учеником известного имама Абу-л Аббас Ахмада ибн Умар ас-Сурайжи (850–918). В халифате занимал различные должности.

Каффал аш-Шаши избрал мазхаб шафиги в Мавераннахре, в частности, в Шаше, и внес свою лепту в распространение религиозных учений и основ шариата. Были известны и широко распространены его работы “Адаб ал-бахс” (“Приличия в исследовании”), “Хусни жадал” (“Красота диалектики”), посвященные юриспруденции, логике. Каффал аш-Шаши писал и стихи. Некоторые отрывки сохранились в “Табакат аш-шафи’ия” – “Ранжирование в шафи’итском мазхабе” сирийского ученого ас-Субки.

Он скончался в Ташкенте. Над его могилой в горах был возведен мавзолеем Гуламом Хусейном (1541-1542) из династии Тимуридов. После получения независимости Узбекистаном рядом с ним была построена мечеть с большим куполом. Большая площадь в центре Ташкента носит имя Хаст Имама» [6; 291].

Российский востоковед С. М. Прозоров в своей монографии «Ислам как идеологическая система» посвятил жизни и творчеству ученого-теолога несколько страниц.

«Известный теолог, факих, мухаддис, с именем которого шафи'итская традиция связывает распространение шафи'итского мазхаба в Мавераннахре. Родился в Шаше (Чаш, совр. Ташкент), в поисках знаний объездил многие духовные центры исламского мира, жил в Найсабуре (Нишапуре) и Бухаре, слушал и записывал лекции авторитетных мусульманских ученых. По возвращении в Шаш, тюркское население которого, как и практически всего Мавераннахра в ту пору, придерживалось учения Абу Ханифы, ал-Каффал стал проповедовать шафи'итский толк, и, благодаря его красноречию, убедительности доводов и глубоким знаниям, многие в “стране тюрков” (билад ат-турк) приняли это учение.

Шафи'итская традиция наделяет ал-Каффала самыми лестными и почетными титулами, признавая его авторитетнейшим знатоком ал-фикха в Мавераннахре, “учителем (шейх) шафи'итов”. Утверждают также, что в молодости он был му'тазалитом, а затем обратился к учению ал-Аш'ари. Переход от шафи'итского догматико-правового толка к богословской школе аш'аритов (часто через му'тазалитский ал-калам) – типичное и в какой-то мере закономерное движение в научной карьере мусульманских ученых того времени. По утверждению мутакаллима-аш'арита ал-Джувайни (ум. в 1085 г.), “науке ал-калама” ал-Каффал обучался у самого ал-Аш'ари (ум. в 936 г.), который, в свою очередь (уже в зрелом возрасте), изучал под его руководством ал-фикх.

Учителями ал-Каффала в ал-фикхе были знаменитый ат-Табари (ум. в 923 г.), Абу Бакр ибн Хузайма (ум. в 933 г.), у которого он не раз останавливался в Найсабуре, Абу Бакр ал-Баганди, Абу Зайд ал-Марузи и др. Сам ал-Каффал оставил немало учеников, занявших видное место в истории ислама. Наиболее близким к нему был Абу Абдаллах ал-Халими (950–1012), родом из Джурджана, но с детства живший в Бухаре (позже в Найсабуре), где он записывал хадисы и изучал ал-фикх у другого известного шафи'ита Абу Бакра ал-Удани (ум. в 945 г. селение Удан – под Бухарой). Со временем ал-Халими стал главой “традиционалистов” (асхаб ал-хадис) в Бухаре и ее округах, возглавлял судейство в разных городах.

Он считался самым образованным шафи'итом в Мавераннахре после двух своих учителей – ал-Каффала и Абу Бакра ал-Удани. Помимо ал-Халими известными учениками ал-Каффала стали Абу Сулейман ал-Хаттаби ал-Бусти (ум. в 998 г.) – авторитетный мухаддис, автор многих сочинений, в том числе комментария к сборнику хадисов Абу Дауда; ал-Хаким ан-Найсабури (ум. в 1014-1015 г.) – автор «Истории Нишапура»; Ибн Манда (ум. в 1005 г.) – знаменитый собиратель хадисов; Абу Абд ар-Рахман ас-Сулами (ум. в 1021 г.) – автор известного биографического словаря суфиев. Среди учеников ал-Каффала называются также факихи Абу Абд ар-Рахман ал-Ибрисами (или ал-Абрйасами), аз-захид Абу Исхак аш-Шаши, Насир бин ал-Хусейн ал-Умари ал-Марвази и другие.

Ал-Каффал – автор сочинений (некоторые из них сохранились частично или полностью) по фикху, хадисам, догматике, экзегетике. В них он изложил методологию (ал-усул) и частные вопросы (ал-фуру) мусульманского права шафи'итского толка (“Китаб фи усул аль-фикх”, “Махасин аш-шариа фи фуру аш-шафи'йа”, “Шарх ар-Рисала” и др.)

Комментирование “Послания” (ар-Рисала) аш-Шафи'и было способом распространения и адаптации его учения к местным условиям. Ал-Каффал составил

также “большое толкование” к Корану (ат-тафсир), в котором известный мутакаллим – аш’арит из Найсабура Абу Сахл ас-Сулуки (ум. в 980 г.) увидел “поддержку учения мутазилитов”...

Большой популярностью пользовалась касида ал-Каффала, свидетельствующая о силе его поэтического слова. Сохранился рассказ (как и сама касида) земляка ал-Каффала, поэта Абд ал-Малика бин Мухаммед аш-Шаши о том, как в “год ополчения он вместе с ал-Каффалом участвовал в военном походе на ар-Рум. В то время от византийского императора Никифора Фоки (963–969) пришло оскорбительное для мусульман послание. Среди газиев, участников ополчения, было много литераторов (адиб), поэтов, краснобаев-острословов из разных городов Хурасана, аш-Шама (Сирии), ал-Ирака, Мавераннахра, но достойную отповедь этому посланию дал только ал-Каффал. Поэт-рассказчик, попав позже в плен и оказавшись в Константинополе, поведал, какое сильное впечатление произвела там касида-отповедь ал-Каффала и какое восхищение и гордость вызывала личность самого автора.

Таков в общих чертах образ ал-Каффала, сформировавшийся в арабской литературе под влиянием шафи’итской традиции. Однако параллельно с ней сложилась мавераннахрская традиция, согласно которой ал-Каффал – один из “святых” города Ташкента, известный как потомок падишаха Мухаммеда или Хазрат Имама (“Господина Имама”). Сохранились гробница и мавзолей, которые поныне посещают и почитают мусульмане. В Ташкенте бытует много легенд об этом “святом”. Местное предание связывает ал-Каффала с потомком Мухаммеда бин ал-Ханафий (сына халифа Али от ханафитки, духовного вождя кайсанитов), известным как Исхак Баб (он же – Исхак ат-Турк), прибывшим якобы в “страну тюрок” с целью распространения ислама. К этому Исхак Бабу возводят генеалогическое древо знаменитого “прародителя всех тюркских суфиев” Ахмеда Йасави (ум. в Йасы, в Туркестане в 1166/67 г.). Мавераннахрская традиция связывает таким образом деятельность ал-Каффала с кайсанитскими кругами в Туркестане, соперничавшими с суннитами Мавераннахра. В ходе этого соперничества кайсаниты Туркестана все больше попадали под влияние шафи’итов, исмаилитов и суфиев. Согласно суфийско-йасавитскому источнику, ал-Каффал в течение 55 лет проповедовал в Шаше учение о божественной мудрости (илм ал-хикма)» [7; 388–390].

Когда Джамал ал-Карши впервые приехал в Шаш в 671/1272-1273 году, встретился «с ал-Малик ал-кабир **Кадр Маликом** и его (женой), царицей (туркан), которая была опорой государства и его столпов, а из их сыновей – с ал-аджалл ал-а’азз **Ала ад-дином**, да продлит [Аллах] его высокое положение, устроит и поддержит их сыновей.

Из избранных [людей] и имамов – шейх ал-ислам **Джалал ал-милла ва ад-дин** – их садр, их луна на небосклоне садрства.

Ал-кади ал-имам Садр ал-Хакк ва-д-дин и его сын Нусрат ал-Хакк ва-д-дин, да хранит Аллах обоих».

Во время второй поездки в Шаш Джамал встретился с правителем города, эмиром с большим щедрым сердцем и прекрасным человеком – Саййдом Кунда-Паз (Баз) ас-Самарканди, увиделся с **Нусрат ад-дуния Пахлаван-Махмуд ибн Саййд ал-аджалл Ала ад-дином**, названным Алмалиги.

Джамал о нем писал следующее: «Этот Палуан (пахлауан) – один из моих младших братьев. Мы родственники с его прославленным сыном Амир Насром, и он – сын моей младшей сестры. Я посвятил Пахлавану свои рубаи и стих:

*Царь, чьи щедрость и великодушие известны,
Рука и сердце его – источники дара и подарков,*

*Такого, как он, не бывало и нет,
Я скажу, кто он – это Пахлаван Махмуд.*

Он также посвятил один мувашшах его сыну:

*О ты, твоей красотой природа светит,
Сердце радуется, услышав твое прекрасное имя,*

Твоим предкам близко счастье...» [5; 154].

Далее Джамал рассказывает, что большая часть жителей Шаша курят хашиш, чем становятся похожи на насекомых, и относятся к иноземцам с собачьей враждебностью, и так же, как собаки, готовы клыками и когтями разорвать людей на части.

16–17 августа 2007 года в Ташкенте была проведена международная конференция ЮНЕСКО. Тогда я посетил мечеть Хазрет Имама (Каффал аш-Шаши). Действительно, людей, проходящих в мечеть, было очень много.

БАРЧИНКЕНТ

Жамал Карши побывал и в Баршынкенте (Барчинкенте), что на побережье Сырдарьи. В «Қазақ ұлттық энциклопедиясы» об этом городе написано: «Барчинкент, Кызкала, Кышкала – места средневековых городов. Он расположен на уровне нижнего течения Сырдарьи, в 25 километрах к юго-западу от Кызылорды. В прошлом веке на городище провели исследования Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция под руководством П. И. Лерха, В. А. Самаур, а в 1946 году – под руководством С. П. Толстова. Академик А. Маргулан связывает Барчинкент с именем Гультаршын из эпоса “Алпамыс-батыр”.

До нашествия Чингисхана Барчинкент был укреплением стратегически важного значения и культурно-торговым центром между огузами и кыпчаками. Они оказали яростное сопротивление войскам Хорезмского, Кыпчакского, Кимакского ханств. Войско Джучи-хана повернуло русло реки в сторону рва вокруг города и заполнило его водой, таким образом затопив город и вынудив его жителей сдаться. Разрушенный город вскоре был восстановлен и стал центром улуса Джучи на побережье Сырдарьи. Известно, что в Барчинкенте чеканили монеты. Все это указывает на то, что при Золотой Орде город был крупным политическим, культурным и образовательным центром.

Джамал ал-Карши, посетивший присырдарьинские города во второй половине XIII века, сообщал, что в Барчинкенте огузы и кипчаки живут смешанно. Сведений о Барчинкенте в рукописях историков и послов встречается много. Одним из них является Плано Карпини, который пишет: “Народы, населяющие побережье Сырдарьи, говорят на мусульманском языке, традиции и обряды тоже мусульманские. В этих краях много разрушенных крепостей и городов. Поблизости, вдоль реки, расположены Жанкент, Баршын и Ашанас. Есть и другие города, но мы не

смогли узнать их названия”. Начиная с XV века в письменных источниках название города уже не встречается. Что послужило его разрушению, еще не исследовано. О Барчинкенте можно прочесть многие работы ученых Д. Оссона, В. Бартольда, А. Маргулана» [7; 158].

В 1273–1274 годах Джамал ал-Карши прибыл в присырдарьинские города, чтобы записать сведения о них и проживающих в них народах. Прошло уже более пятидесяти лет с тех пор, как были разрушены духовные центры – Отрар и Сауран Сыгнак и Жент.

Еще до исчезновения Барчинкента со страниц истории Джамал ал-Карши прибыл в город и записал свои наблюдения о его окрестностях, народе и великих сынах; оставил и ценные сведения о литераторе, поэте, мыслителе, выходеце из города – Хусам ад-дине Барчинлиги.

Хусам ад-дин Барчинлиги

Свою работу Джамал ал-Карши начинает со сведений о Барчинкенте. Он называет его не городом или крепостью, а обителью (диар). Исходя из этого, можно предположить, что Барчинкент в действительности мог быть зимовьем на уровне укрепления. Если Жент находился в отдалении от Сырдарьи, недалеко от Инкардарьи в глубинах Кызылкума, то Барчинкент располагался рядом с южным побережьем Сырдарьи, можно сказать, прямо между Сыгнаком и Асанасом. Джамал ал-Карши пишет: «На его земле скапливаются снега, земля холмистая, рассадник москитов и муравьев. В пустыне, отдаленной от гор, живут рыжеватые, усатые (люди)» [5; 155].

Барчинкент, хоть и был диаром (обителью) или зимовьем, слыл известным культурным центром. Здесь жили ораторы с пророческими устами, певцы с сильными и красивыми голосами, известные представители искусства словесности. Среди них были и те, чья слава разнеслась далеко. По этой причине Джамал поехал «в Барчинкент, чтобы обучаться у известного ученого (ал-аллама), главы духовенства и города (садр ас-судур), полной луны в темной ночи (бадр ад-дайджур), обладателя неповторимого чуда среди людей (агджуба ал-анам), в частности, автора “Тахрира” (“Одобрение”), да будет Аллах милостив к нему! – шейху-л Хусам ал-милла ва-д дин ислам, сабли нации и веры – Абу-л Махамид Хамид бин Асима ал-Асими ал-Барчинлиги, да помилует его Аллах, он – великий садр и выдающийся ученый, подобно которому нет и никто не видел и никогда не увидит, даже если проживет вечность. Он закончил [полные курсы] проповедей (тазкир) мусульманского права (такрир ал-фикх), толкования Корана, составления канцелярской документации (инша ал-хутаб) ва-р рисалат). И прославился бы и на поприще прозы и поэзии, если бы считал [их] своим полем деятельности, творчества. Ему принадлежат редкие и удивительные сочинения в прозе и стихах» [5; 155–156].

Джамал ал-Карши вознес его до небес настолько, насколько хватило его мастерства. Оказалось, что он недаром назвал нашего земляка «полной луной в темную ночь», «обладателем неповторимого чуда среди людей». Барчинлиги был почитаем людьми за серьезные труды, которые были весьма содержательны, и люди черпали из них полезное для себя.

Имя барчинкентского ученого, как было отмечено выше, – Абу-л Махамид Хамид. Нисба отца – Асим ал-Асими. А Барчинлиги означает, что он из Барчинкента.

Начальное образование получил в Женде, еще одном присырдарьинском городе. Повзрослев, начал тесное общение с учеными из Хорезма и пополнял свои знания. Специализировался по фикху (мусульманское право). Позднее преподавал в медресе Жента и Барчинкента. Его дарование позволило стать ему мастером слов мудрости не только в фикхе, но и в области философии, истории, языкознания и литературы. Поэтому характеристика, данная Джамалом ал-Карши Барчинлиги, основана на истине.

Если внимательно изучить сведения серьезного писателя, то его хвала нашему земляку звучит как «великий садр (садр кабир)», «несравненный великий ученый (алим нахрир адим ан-назир)», «никто не встречал подобного ученого и, если бы даже жили вечность, не встретили бы» [5; 155]. Несомненно, что Джамал ал-Карши мог дать такую оценку исключительно после того, как побеседовал с Барчинлиги об образовании, науке, литературе, культуре и искусстве, лично убедившись в его эрудиции.

Изначально Барчинлиги был специалистом по религии. Написал много работ в данной области. Но нам неизвестно, сохранились ли его труды до наших дней.

Джамал ал-Карши называет сочинения нашего земляка «Ат-Тазкир» («Биография святых») и «Тахрир» («Одобрение»), уточняя, что великому ученому также принадлежат и «Тафсир к Корану» (комментарий), «Проповедь» (хутаб) и другие трактаты (рисала), охватывающие многие области науки. «Если ученый из Барчинкента обнаружил пространство интуиции (бадиха) и импровизации (иртиджал), то он ликовал бы, скача верхом на прозе и поэзии!» И завершает Джамал свое воспоминание уточнением: «У него были удивительные сочинения (тасаниф) по прозе и поэзии на арабском языке».

Исходя из написанного Джамалом ал-Карши, делаем вывод, что мыслитель из Барчинкента продуктивно трудился в различных отраслях науки. К примеру, он сократил труд по арабской грамматике и издал новый сборник на основе объемной работы «Ал-Муфассал» («Полный») Абу-л Касим аз-Земахшари (1075–1144), известного как Джарулла и гордость Хорезмского края. И назвал его «Ал-Муджаммал» («Сокращенный»). Здесь следует отметить, что до нашего земляка были написаны многие работы по исламу и по его течениям, Корану и сунне, хадисам. Было немало и важных, и значительных сочинений, затрагивающих масштабные вопросы. Именно такие труды Барчинлиги сокращал, излагая более компактную версию для учеников, еще не успевших в полной мере освоить арабский язык. В культуре и истории восточных народов такой способ существует издревле.

После укрепления ислама в Средней Азии и в казахской степи господствующим стало мусульманское право (фикх). Местные народы руководствовались им в повседневной жизни и в быту. В связи с этим прогрессивные люди Турана наряду с филологией и философией создали серьезные сочинения и по религии. Например, в XII веке именно в этой отрасли некоторые мыслители Средней Азии обрели свою славу. Джамал ал-Карши пишет, что наш барчинкентский земляк мастерски сократил трактат «Ал-Хидайа» («Руководство») шейху-л-Ислама Бурхан ад-дина ал-Маргинани (ум. в 1197 году) из Маргулана и назвал его «Хадйату-л-махди мин хидайати-л-мухтади» («Подарок от “Хидайа” для идущих праведной дорогой») [5; 155–156].

Присырдарьинский поэт считал целью при сокращении «недопущение урона содержанию и смыслу указанных сочинений», необходимо было «найти источник

поднятых проблем и облегчить понимание переданной идеи». Ученики обучались по данному краткому курсу «хидайи».

Вероятно, что изложение работы барчинкентского мыслителя, известного педагога, маргуланского ученого Джамал ал-Карши начал задолго до посещения присырдарьинских городов. Может, сказался преклонный возраст или подвело здоровье, но начиная с главы «Тайаммам» указанной работы изложение было прекращено. Джамал ал-Карши пишет, что, насколько ему известно, «не завершив свою работу (изложение. – А. Д.), поставил печать, означающую ее завершение».

Наш великий земляк наряду с научными сочинениями писал стихи на трех языках. «У него есть стихи на арабском языке – классического сложения (фасиха), на персидском – мелодичные (малиха), а на тюркском – естественно правильные (сахиха), а [также] сочинения на этих трех языках, подобных которым не сочиняли ни древние, ни современные [авторы]. Тот, кому не пришлось видеть его и слышать его слова, не получил никакого удовольствия за всю свою жизнь. После моей просьбы он составил для меня своим благословенным почерком общее разрешение “иджазы амма”. И сделал это так, как будто имел несколько дней перед нашей второй встречей. Тот, кто читал (это разрешение), видел этот почерк, тот никогда не признал бы другого (учителя)» [5; 156].

Джамал ал-Карши объехал немало присырдарьинских городов и становищ, беседовал с жителями, делился своими мыслями. Видимо, позднее снова вернулся в Барчинкент и получил благословение Абу-л Махамида. В благодарность высокообразованности Джамала ал-Карши наш земляк собственноручно выписал ему диплом (иджаза амма). По возвращении в Среднюю Азию еще у многих вызывала восхищение письменная вязь диплома Барчинлиги.

Вот таковы имеющиеся сведения по еще одному мыслителю и поэту казахской степи по имени Абу-л-Махамид Хамид бин Асим ал-Асими ал-Барчинлиги. Важной и почетной миссией остается поиск дошедших до наших дней сочинений этого сына присырдарьинских земель, обнаружение их и ознакомление с ними потомков.

ЖЕНД

Еще один город, в котором побывал Джамал, – Женд. О нем в «Казахской советской энциклопедии» написано следующее: «Жент, Женд, Дженд – город в средние века, расположенный в нижнем течении Сырдарьи. По словам авторов того времени, он был на левом берегу озера Жент – “границы мусульманского мира”. В X веке находился в подчинении у тюрко-огузов. С XI века до монгольского нашествия Женд был богатым присырдарьинским городом. В нем жили влиятельные мусульманские правители. В XII веке Аральское море называли “Жентским морем”, о чем есть сведения в сочинении “Жахан-наме”. В тот период указывается на важность города Женд... После монгольского нашествия на месте большого, цветущего города со строениями и большим количеством мечетей осталось небольшое зимовье. По мнению В. В. Бартольда, вероятно, местом города Женд является городище Кышкала, что на овраге Тумароткель, который находится вдоль старого караванного пути, проходящего между Хивой и Бухарой» [2, IV; 380].

«До монгольского нашествия Женд был большим городом. Несмотря на тяготы, город оставался удобным для ведения торговли. Для купли-продажи стекались купцы, как и многие другие. Ради прибыли и успешности дела конкурировали меж

собой. Городских базаров было видимо-невидимо», – писал Джамал ал-Карши [2, IV; 156]. Это были 1273–1274 годы.

По приезду в Женд он долго обходил город, обозревая разрушения и уцелевшие участки. Его печалило, что на месте высокого дувала вокруг города и зданий с голубыми куполами остались только руины. Тем не менее, его успокаивало, что культурная жизнь не подверглась окончательному застою.

СИГНАК

«Сигнак, Сунак – один из средневековых городов Казахстана. Расположен в 10 км к северо-востоку от железнодорожной станции Томенарык, вдоль реки Сырдарья. Исследовательские работы под руководством П. И. Лерха в 1867 г., И. А. Кастанье в 1906–1907 гг., Н. А. Бернштама в 1947 г. были осуществлены археологическими экспедициями Южного Казахстана. Древний Сигнак был торговым и политическим центром кыпчакского государства. Кочевые народы привозили скот, мясо, шкуру, шерсть и др. в Сигнак и закупали все необходимое для себя. Историки того времени называли Сигнак “Гаванью Кыпчакской степи”.

Первые сведения о Сигнаке встречаются в персидском сочинении X в. “Худуд ал-Алам”. Перед монгольским нашествием Сигнак был в подчинении хорезмшаха Текеша. В 1219–1220 гг. Сигнак был осажден войском Джучи. Жители города не сдавались монголам, убив их послов, оказали сильнейшее сопротивление. После недельной непрерывной атаки враг захватил город и перебил всех жителей до одного.

Во 2-й половине XIII в. город начал оживать. Во время правления потомков Джучи Сигнак стал центром Белой Орды, и начали чеканить деньги. В 80-годах XV века городом правил казахский хан Мурындык. В XV–XVIII вв., как и раньше, город стал торговым центром. Об этом хорошо знали русские купцы и послы. Сигнак просуществовал до XVIII в.

Место городища сейчас называется Сунаката. Он представляет из себя огромный пятиугольный холм, занимающий 10 га. Вокруг него много отвалов, сохранены следы водопроводного строительства. Обнаруженные артефакты указывают на то, что существование Сигнака относится к VI–XVIII вв.» [10; 156].

Шейх Баба Сигнаки

Джамал ал-Карши встретился с мудрецом с пророческими устами и гением-мыслителем Шейх Баба Сигнаки. Он долго беседовал с ним. *«В этом городе, – пишет Джамал ал-Карши, – я встретил шейха всех шейхов, гениального ученого по правовому учению, названного сначала ал-Хорезми, впоследствии Сигнаки, известного в стране тюрков как Шайх Баба. Я беседовал с ним. Меня поразила крепость его силы воли. Оказалось, что он шейх прославленного ученого, нашего сардара – да будет милостлив к нему Аллах! – ал-Камали ал-Музаффари»* [5; 156].

Шейх Баба Сигнаки родился в 1187 году в Хорезме. Но в раннюю весну своей жизни переехал в присырдарьинские края, где земледелие развивалось наравне со скотоводством, где вдоль древнего караванного пути построены оседлые и устойчивые города, в которых обитали казахские племена с высокоразвитой культурой.

Во время проживания в Сигнаке Шейх Баба все свое время посвятил науке и образованию, обучению и воспитанию учеников, будучи гениальным и набожным человеком. Знаток священного Корана и тафсира, хадиса и сунны в совершенстве владел арабским и персидским языками, поэтому время от времени по приглашению жителей выезжал в Хиву и Ургенч, Женд и Барчинкент, чтобы поделиться своими идеями. В частности, он был солидарен с мыслителем из Хорезма – Наджм ад-дином ал-Кубра (1145–1221). Может быть, под его влиянием наш земляк постепенно обратился к суфизму. После достижения возраста Пророка, так же, как и Ходжа Ахмед ал-Йасауи (1093–1167), стал жить под землей (кылует), одевался и держался скромно. Позднее, по приглашению Наджм ад-дина ал-Кубра, основателя общины последователей течения исламской религии кубрауийа, иногда называемой аз-захабийа, прибыл в Женд. В течение многих лет он передавал свои глубокие познания ученикам, чем заслужил всеобщее уважение и почет. Написал ряд работ по языкознанию и литературе, хадису и тафсиру. О чем бы он ни говорил, касательно любой отрасли наук, всегда прислушивался к мнению и замечаниям своего наставника Наджм ад-дина. Тем не менее пребывание Шейх Баба Сигнаки в Женде было недолгим. Спустя несколько лет он вернулся в Сигнак и продолжил преподавательскую работу.

Наджм ад-дин ал-Кубра

Здесь следует рассказать и о Наджм ад-дине. Наджм ад-дин ал-Кубра, названный Абу-л Жаннабом ал-Хиваки, родился в 1145 году в городе Хива. Достигнув сознательного возраста, получил образование в одном из медресе родного города. В поисках искусства и образования направляется в Египет, где обучается у известных ученых Каира и хорошо осваивает арабский язык. Закончив учебу, возвращается на родину.

Наджм ад-дин в основном жил в Женде, а не в Ургенче и Хиве Хорезмского края. Именно здесь он заложил основу своей школы. Побеседовать с Наджм ад-дином и послушать его лекции приезжали арабы и персы, ищущие себя в учениях. В частности, мудрец из Хивы много занимался суфизмом. Как было уже сказано, впоследствии он и сам стал основоположником отдельной религиозной общины. Интересно то, что автор аллегорической поэмы «Мантик ат-таир» («Беседа птиц»), классик персидской литературы Фарид ад-дин Аттар (?–1225) тоже был одним из многих последователей Наджм ад-дина.

Наджм ад-дин равно писал на арабском и персидском языках. До нас дошли многие его сочинения, в том числе «Рисала ал-хаим ал-хаиф мин лаума ал-аим» («Трактат о сбившемся с пути, испугавшемся укора порицателя»), «Сифат ал-адаб» («Правила хорошего тона»).

Бурное развитие литературы и культуры в Хорезме и присырдарьинских городах было нарушено нашествием монголов. Спокойная жизнь сменилась эпохой смуты и набегов.

Известный среднеазиатский историк Хафиз-и Таныш Бухари (1543–1548) в своей работе «Шараф нама-ий шахи» («Книга о шахской славе»), высоко оценивая творчество Наджм ад-дина ал-Кубра, пишет: «Когда покоритель мира Чингиз-хан вознамерился послать царевичей для захвата Хорезма, он услышал, что шейх шейхов Наджм ад-дин ал-Кубра, да ниспошлет бог покой его великой душе, изволил

пребывать в том вилайате. [Чингиз-хан] послал [к нему] вместе с сыновьями имама муджтахидов Кази-хана. Он приказал чтобы, как только они прибудут в те края, они сообщили шейху следующее: “[Пусть шейх], взяв своих жен, домочадцев, всех приверженцев и почитателей, покинет город, ибо последовал наш приказ об избиении жителей этой страны”. После того как царевичи вместе с его святейшеством Кази-ханом, да будет на нем милость и довольство [Аллаха], поспешили в Хорезмский вилайет и обложили эту крепость, уподобив [ее] центру окружности его святейшества Кази-хан предупредил шейха шейхов – [Наджм ад-дина ал-Кубра], как ему было приказано. Его святейшество [шейх] не придал никакого значения перлу наставлений его святейшества Кази [хана]. Он соизволил сказать: “Было бы слишком бесчеловечно, [если бы] я, спокойно живший в течение стольких лет под покровительством жителей этого вилайата, предпочел расстаться с этими людьми теперь, когда настала тяжелая пора – время возникновения смут, и, избрав путь безопасности, начал бы жить в долине спокойствия”» [14; 74].

Получившие такой ответ монголы ворвались в город и безжалостно истребили жителей. Также они разгромили в пух и прах радостный и гостеприимный город Багдад. Наджм ад-дин ал-Кубра погиб в 1221 году вместе с городом и его жителями во время сокрушительного нашествия. Не отдав предпочтения собственной безопасности и не предав свою золотую колыбель – Родину и землю, наравне с другими приняв смерть, Наджм ад-дин достоин самого высокого почтения. Спустя много лет Шейх Баба Сигнаки приехал в разрушенный Жент любимого наставника и охранял его Родину, вдохнув в нее жизнь. Это тоже – подвиг, это – дело, достойное гордости.

14–16 мая 2014 года во время международной научно-теоретической конференции, посвященной 290-летию со дня рождения туркменского поэта-классика Махтумкули Фраги, меня растрогал памятник Наджм ад-дину ал-Кубра, установленный на аллее в Ашхабаде. Я был доволен увиденным.

Джамал ал-Карши, путешествуя по присырдарьинским городам, в 1273 году прибыл в Женд. Шейх Баба Сыгнаки восстановил дом Наджм ад-дина ал-Кубра, объединил выживших из его семьи и стал свидетелем возрождения и продолжения дела своего наставника. *«Я имел честь пообщаться с ним и почувствовать его волю. А он, шейх нашего садра ал-аллама ал Камали ал-Музаффари, да помилует его Аллах, который был шейх ал-хилва (уединения) и хирка (носящим рубище суфиев), был старейшим из сподвижников султана шейхов Наджм ад-дина ал-Кубра Абу-л Джаннаба, [находившимся] при нем, замечающим его, воспитанным в его доме, возле его дверей»*, – писал Джамал ал-Карши [5; 156–157].

Он вел долгую беседу с известным историком, именитым ученым Шейх Баба Сигнаки, обмениваясь мнениями по различным областям науки. Среди прочитанных Шейх Баба книг я обратил особое внимание на попавшиеся мне на глаза сочинения ученого Сайф ад-дина ал-Бахарзи. Исходя из этого, Шейх Баба был не только суфием, праведным последователем пути веры, но и известным историком, философом и филологом.

Сайф ад-дин ал-Бахарзи был знаменитым ученым, известным в Средней Азии, Иране и арабском мире, его книги и читал сигнакский ученый. Он скончался в 1261 году в Бухаре. Поверх его могилы возведен мавзолей с куполом. Интересно и то, что Сайф ад-дин ал-Бахарзи способствовал принятию ислама ханом Золотой Орды – Берке. Монгольский хан беспрекословно принимал сказанное ученым и прекло-

нялся перед его неопровержимыми доводами. Очевидно, Сайф ад-дин аль-Бахарзи был не только знатоком факиха, но и златоустым оратором, источавшим мед.

Джамалу, скорее всего, симпатизировал Шейх Баба. Когда Джамал уехал в другие присырдарьинские аулы и зимовья, 86-летний Шейх Баба заболел, а через несколько дней его не стало. Ничто не вечно в этом мире. Сын Сигнака, почувствовав, что свеча его жизни гаснет, склонив перед судьбой голову, попросил своего сына: «Если Джамал ал-Карши вернется в Женд, то пусть напишет слова памяти на надгробии моей могилы». Сын неукоснительно выполнил просьбу Шейх Баба. На эпитафии, написанной ученым, сказано, что Шейх из Сигнака «скончался в четверг, в середине месяца жумада аль-ула 672 году хиджры (1273), в возрасте 86 лет».

Это все сведения о Наджм ад-дине ал-Кубра, который в трудные времена почтил свою страну и народ, защищая до последней капли крови от захватчиков, и его ученике – Шейх Баба Сигнаки, имеющиеся на данный момент. К сожалению, как и Женд был трагически предан огню, так и сочинения нашего соотечественника Шейх Баба Сигнаки были поглощены песками.

Разумеется, не так легко прочитать «Мулхакат» Джамала ал-Карши, написанный в средневековье. Сочинение, видевшее большое количество летописцев, переписчиков, подверглось обветшанию. Ко всему прочему, свои творения Джамал ал-Карши писал саджем (белый стих). Как и во многих сочинениях средневековья, в нем отсутствуют знаки препинания. Законченность предложения можно узнать только по завершении мысли. Следует отметить, что стиль и изложение мысли в сочинении тоже подверглись некоторым изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мирза Мухаммед Хайдар [Дулати]. Тарих-и Рашиди / Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой; Примечание и указатели Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. Ташкент: Изд-во «Фан» АН Республики Узбекистан, 1996.
2. Қазақ совет энциклопедиясы. Т. 1. Алматы, 1972; Т. 4. Алматы, 1974; Т. 12. Алматы, 1978; Т. 10. Алматы, 1977.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 7, 8. М., 1973.
4. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XII вв. Ташкент, 1988.
5. История Казахстана в персидских источниках. Т. 1: Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с сурах. Алматы, 2005.
6. Марғұлан Ө., Миңғұлов Н. Мұхаммед Хайдар Дулати // Ұмытылмас есімдер. Алматы, 1994.
7. Қазақстан ұлттық энциклопедия. Т. 2. Алматы, 1999.
8. Ислам: Энциклопедия. Ташкент, 2004.
9. Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. Москва, 2004.
10. Хафиз-и Таныш Бұхари. Шариф-нама-йи шахи. Ч. 1. М., 1983.

